

РОБЕРТ
РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Большое собрание
стихотворений, песен и поэм

В ОДНОМ ТОМЕ

2022
МОСКВА

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Р62

Составление *Ксении Рождественской*

Оформление серии *Н. Ягусовой*

На 1-й стороне обложки использована репродукция картины «Бегом через улицу» (1963 г.) художника Ю. И. Пименова

На 4-й стороне обложки использована репродукция картины «Раннее утро в Москве» (1961 г.) художника Ю. И. Пименова

Фотография на корешке: Виктор Шандрин / Фото ИТАР-ТАСС

Иллюстрация в марке серии:
© llusletra CR/ Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Рождественский, Роберт Иванович.

Р62 Большое собрание стихотворений, песен и поэм в одном томе / Роберт Рождественский. — Москва : Эксмо, 2022. — 1088 с.

ISBN 978-5-04-170803-0

Роберт Рождественский заявил о себе громко, со всей искренностью обращаясь к своим сверстникам, «парням с поднятыми воротниками», таким же, как и он сам, в шестидесятые годы, когда поэзия вырвалась на площади и стадионы. Поэт «всегда выделялся несдвигаемой верностью однажды принятым ценностям», по словам Л.А. Анненского. Для поэта Рождественского не существовало преград, он всегда осваивал целую Вселенную, со всей планетой был на «ты», оставаясь при этом мастером, которому помимо словесного точного удара было свойственно органичное стиховое дыхание.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос-Рус)6-5

ISBN 978-5-04-170803-0

© Рождественский Р. И., наследники, 2022
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Стихотворения

«ФЛАГИ ВЕСНЫ»

1955

* * *

A. K.

Приходить к тебе,
чтоб снова
просто вслушиваться в голос
и сидеть на стуле, сгорбясь,
и не говорить ни слова.

Приходить,
стучаться в двери,
замирая, ждать ответа...
Если ты узнаешь это,
то, наверно, не поверишь,
то, конечно, захочешь, скажешь:
«Это ж глупо очень...»
Скажешь:
«Тоже мне —
влюбленный!» —
и посмотришь удивленно,
и не усидишь на месте.
Будет смех звенеть рекою...

Ну и ладно.
Ну и смейся.
Я люблю тебя
такою.

МОРЕ

B. Гнедичеву

Вздыблено.
Возмущено.
В отблесках маяков
кажется:
хочет оно

выпрыгнуть
из берегов.

Как будто ему ни почем
реветь

и реветь
с утра.

Гору
толкнуло плечом,
кажется —

рухнет гора!
И вот уже

на ветру,
ахнув,
взрываются волны...

А я
ему
ору:
«Море!»
Давай на полный».

Слышишь?!

Таким
ты нравишься мне, —
разлившееся до края земли, —
за то,

что несешь
на своей спине

тысячетонные корабли.

За то, что тучи

дождями
поишь,

за ветер,

за то, что покою

не радо,

за то,

что если ты с кем-нибудь

споришь,

это

звукит как надо!
Дай руку на дружбу,
я буду тобой гордиться,
пусть

плавают в лужах
любители

тихой водицы!..

А ты

гуади!
Теперь мы вдвоем.

Не уставай,
море мое.
Бурли! —
Ты слышишь? —
Громче давай!!
Сердце мое,
не остывай.

В ПУТИ

Берега зеленые-зеленые
за кормою медленно растаяли,
волны
цвета неопределенного
возле парохода ходят стаями.
Вряд ли полдень может быть удачнее.
Тишина.

Вода, как будто олово...
Девушка сидит на чемоданчике,
на руки склонив устало голову.
Ласковая,
худенькая,
стройная, —
как же пассажирам не дивиться ей?
Едет медицинскою сестрой она
в бывшую западную провинцию.
По дороге вязкой,
будто вспаханной,
медсестра приедет поздним вечером
в городок,
еще смолою пахнущий
и пока
на картах не отмеченный.
К борту парохода с плеском ластятся
волны
цвета неопределенного.
Едет девушка в цветастом платьице,
в город свой заранее влюбленная...

* * *

Девчонки опаздывают на свиданья.
Так принято.
С этим надо считаться.

Летят они к месту,
 где в ожиданье
 ребятам осточертело скитаться.
 Ребята в отчаянье кепки минут
 целых сорок минут.
 Но они обидаются,
 если вдруг им
 начнешь —

про любовь и «порывы страсти».

Они

запыхавшимся подругам
 говорят как можно небрежнее:
 «Здрассте!»

И все.

И мальчишке становится жарко.
 Окинув веселую улицу взглядом,
 он чинно шагает

с девчонкой рядом,
 боясь даже взять ее за руку.

Вместе им

и хорошо

и неловко,

но вот,

в себе заглушиая ропот,
 он предлагает попить газировки
 и добавляет:

«С сиропом!!»

...Не смейся!

Давно ли мы сами были
 такими?

Помнишь наши свиданья?

Помнишь, —

злясь на себя,

грубили

девчонкам,

наихитрейшим созданьям?

Помнишь?..

Смеяться над этим не надо.

Как ее звали?

Наташей,

Натой.

Где же ты, Натка?

Певунья Натка?

Смешные стихи в голубых тетрадках.

Возле реки пионерский лагерь.

К солнцу летящие флаги...
 Улыбки прохожих не замечая,
 мальчишка шагает рядом с девчонкой...

Ты не мешай им.

Ты не смущай их.
 Давай отойдем в сторонку.

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ

Смертью, которой грозят нам
 враги, обретем мы бессмертье...

Муса Джалиль

До рассвета семьдесят восемь минут.
 На рассвете

ключ заскрипит в замке,
 на рассвете в камеру люди войдут
 и пролают приказ на чужом языке.
 А потом будет десять визжащих дверей,
 коридорный сквозняк,
 молчаливый конвой.

Будет яма на тесном тюремном дворе
 и тяжелое небо
 над головой.

Автоматчики тупо шеренгу сомкнут.

До рассвета семьдесят восемь минут.
 И сейчас,

на распухшие пальцы дыша,
 задыхаясь,
 спеша,

обгоняя рассвет,
 пишет песню,
 последнюю песню,

поэт

чуть заметным обломком карандаша.
 Пусть от долгих допросов гудит голова,
 пусть больная рука тяжелее свинца...
 Но приходят

единственные слова,
 как приказ,
 как присяга,
 как клятва бойца.

Пишет,
 пишет поэт...

И кончается ночь.
 За стеной глухая команда слышна...
 Даже фронт наступающий,
 даже страна
 не успеют,
 не смогут,
 не в силах помочь!

Я хочу,
 чтобы ко мне его твердость пришла,
 чтобы не смел ни минуты растрачивать я,
 чтобы каждая песня
 такою была,
 будто это
 последняя песня моя,
 будто брезжит уже за окошком рассвет,
 а враги ненавидят меня и клянут,
 будто жить мне осталось
 не семьдесят лет,
 а семьдесят восемь
 минут.

САТИРА О САТИРЕ

Бодро в руке фельетон зажав,
 летаешь в редакции
 по этажам.
 «Отдел сатиры».
 Встречает
 мамаша.
 Узнав,
 зачем ты,
 руками машет:
 «Давно бы,
 кажется,
 знать должны —
 куды ж вы лезете,
 милые? —
 Нам Гоголи и Щедрины
 нужны!
 А ваша-то
 как фамилия?..»
 Тихи
 и скромны,
 сгорев от стыда,
 уходим.

Сюда

не мы

нужны...

И снова

смотришь во все глаза,
по коридору бредешь понуро.
Но вот табличка.

Написано:

«Зав.

Отделом литературы».

В двери толк!

И сразу —

стоп.

Дубовый стол,

за столом —

столп.

Едва-едва удостоив взглядом,

рычит:

«Чего вам,

собственно,

надо?!

И ты объясняешь с предельным тактом:

вот, мол...

Стихи, мол...

так-то и так-то...

Зав,

отрывая от кресла зад

и баగровея:

«Сатира?!

Снова?!!

Мы

работаем,

так сказать,

а вам все хаханьки, да?

смешино вам?!

Чему

смеешься?!

(Да помолчите вы!

Надо же быть

таким бестолковым!)

Тоже мне,

ходят тут...

«Обличители!»

Воображают себя

Михалковыми...»

Стучусь наугад в какие-то двери.
 «Войдите!» —
 слышу, ушам не веря.
 Издав вместо «Здравствуйте»
 тихий стон,
 входя
 и кладу фельетон на стол.
 Потом, как в бреду,
 сажусь
 и жду.
 А дядя смакует
 дыма клубы,
 а дядя курит,
 кусая губы...
 И вот,
 наконец, поднимает глаза,
 видимо,
 взвесив все «против» и «за», —
 голосом бархатно-нежным:
 «Сатира...
 нужна,
 конечно...
 Но вы бы писали
 басни,
 и вам...
 и нам безопасней...»
 Картинка загадочней всякого ребуса.
 Вывод:
 иди и жалуйся.
 Так вы говорите:
 сатира требуется?
 — Пожалуйста.

К ВОПРОСУ О ПЕРЕСТРАХОВКЕ

Один мой знакомый
 придумал одну
 песню
 с названием: «Про луну».
 В песне —
 луна над рекою
 горит
 и камешки
 в оной реке
 серебрит.

Песня как песня.

Трехдневный труя.

Сдерживая волнение,
поэт в газету пошел,

но вдруг

взяли поэта

сомнения,
задели больную его струну:
как это он принесет

«про луну»?

Как же он скажет: «Нате»?

А вдруг редактор —

лунатик?

Примут за выпад.

Скажут: намек...

Поэт

рисковать собою не мог.

И вот, подумав

минуту

одну,

своими

опытными руками

он переделывает

«Про луну»

на более выдержанное

«Про камни»,

считая,

что не на что больше пенять

и что напечатание

обеспечено...

А я бы советовал

камни

снять.

Вдруг у редактора

камни

в печени?

КАК ЭТО НАЧИНАЕТСЯ

Очертанья машины неотразимы.

Остальное —

не очень обычно для глаза:

подъезжает к школе

в роскошном ЗИМе

ученица второго класса.